

**Наталья
Лирон**

**Помоги мне
умереть**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л62

Редактор серии *А. Цыганкова*
Ответственный редактор *Е. Тёрина*
Оформление серии *А. Гаретова*

Лирон, Наталия.

Л62 Помогите мне умереть : роман / Наталия Лирон. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-247015-8

Марина живёт обычной жизнью: стабильная работа, муж, двое сыновей — старший ходит на плавание, младший учится в художественной школе. Редкие вечера наедине, редкие тревоги. Но лёд под ногами трескается неожиданно — и всё исчезает: здоровье детей, верность мужа, иллюзия стабильности.

Новая работа, мимолётная близость, ложь, которую больше невозможно не замечать. Болезнь, о которой не говорят вслух. Смерти, к которым нельзя быть готовым. Решения, за которые никто не готов платить, кроме неё.

Когда исчезает опора — в теле, в доме, в памяти, — остаётся только идти. Туда, где страшно, и от того, что больше не спасти. Иногда шаг навстречу жизни — это шаг по канату над бездной.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лирон Н., текст, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-247015-8

Пролог

— Умирай-умирай... — губы шевелятся еле-еле, но мне кажется, громко, — умо-ля-ю... те-бя, умирай.

Слышу свой голос, смотрю в его глаза.

— Милый мой, родной, умирай...

Уговариваю легко, будто смерть — это конфета, желанное лакомство в фантике небесного цвета с певчими ангелами на обороте.

— Я с тобой. — Глажу его по шероховатой коже черепа.

Он закрывает глаза, втягивает ненавистный воздух и живёт.

Может, ещё не время?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

— Это не комната, а сынарник! — Марина упёрла руки в бока, стоя в проёме двери. — Даня! Егор! Рядом появились две светловолосые фигуры с виноватыми, почти нарисованными взглядами.

Оба высокие, оба сероглазые — похожие друг на друга невероятно, хоть и не близнецы. Данила старше и выше, но ненамного. В Егоркином развороте плеч, длинных ступнях и кистях рук угадывались будущий рост и сила. Похожие и разные — целеустремлённый, энергичный Даня и созерцательный Егор.

— Ну, народ, — Марина переводила взгляд с одного сына на другого, — сколько можно говорить? Вас самих не достало?

— Мам, так почти же порядок!

— Да-а-а? И в каком месте тут порядок?

Двухъярусная кровать, из которой они почти выросли, разобрана, одеяла бугрятся сгорбленными комьями, на нижнем Егоровом ком прикрыт покрывалом и поверх рассыпью валяются карандаши и прочий художественный инвентарь.

Что творилось на верхнем Данькином ярусе — оставалось загадкой и снизу было не видно.

Оба стола украшали шаткие башенки из учебников и тетрадей, чашки с недопитым чаем, молоком и колой, на блюдечке лежал надкусанный бутерброд, из-за книг выглядывала «запрещённая» пачка чипсов.

Единственным чистым местом оставался мольберт Егора — ни крошек, ни пыли, тюбики разложены хоть и не стройными, но рядами, кисточки — отдельно.

Марина посмотрела на часы:

— Полвосьмого. До сна чтобы было убрано, как хотите — мне всё равно. И домашка, разумеется.

Данила вздохнул:

— Mam, завтра английский и вообще, блин, я сегодня на уборку не рассчитывал.

— Я на бардак тоже не рассчитывала, — в тон ему сказала Марина, — папа будет поздно, я иду готовить ужин, а вам, молодые люди, советую поторопиться.

Она развернулась и пошла на кухню, чуть успокоившись — им английский разрешалось не делать, как так оба давно обогнали школьную программу, разговаривая на нём чуть ли не с пелёнок. Всё-таки мама когда-то была переводчиком.

— Папа всегда поздно, — вдогонку услышала она.

Дмитрий пришёл, когда дети уже спали.

— Есть будешь? — с порога спросила Марина.

— Ужжжасно голодный, — он ласково улыбнулся жене, раздеваясь, — а что у нас вкусного?

— Тефтели в сливочно-чесночном соусе с рисом.

— Господи помилуй, — он закатил глаза, развязывая шнурки ботинок, — пицца богов! Сейчас, только руки помою. — И выскочил в ванную.

Марина положила на стол салфетку и поставила тарелку — готовить она умела. И делала это с удовольствием. Ей нравилось видеть, как муж и сыновья уплетают её стряпню за обе щёки и требуют добавки.

В глубине души она им завидовала. И Дима, и ребятя могли есть сколько угодно, при этом оставаясь тонкими и звонкими, чего нельзя было сказать о самой Марине. После рождения младшего фигура поплыла, и какие бы героические усилия за последние десять лет она ни предпринимала для того, чтобы вернуться в форму, результат был кратковременный, и потом вес снова возвращался

НАТАЛИЯ ЛИРОН

в проклятые семьдесят два, что при её росте в сто шестьдесят три было чересчур.

Впрочем, муж клятвенно заверял, что это не имеет никакого значения, что любит он её любую, как любил ещё со школы.

— Ну что, мать, — Дима быстро съел ужин, откинулся на стуле и полуприкрыл глаза, — надо бы подумать, как отмечать Данькин день рождения и что ему подарить на шестнадцать лет.

— Ты же знаешь, что он хочет, — она загружала посуду в мойку, — пирог будешь?

— А что, и пирог есть? — Он осоловело улыбнулся. — Конечно буду! Я уже объелся до икоты, но не попробовать невозможно.

Она отрезала треугольничек воздушного лимонного пирога и положила на блюдце.

— Если подарить чёртов PlayStation, то они же с Егором из-за него передерутся.

— Гм... да...

У Дмитрия зазвонил телефон, лежащий в коридоре на тумбочке.

— Дим!!

— Да блин! — Он выбежал из кухни, схватил мобильник и пошёл разговаривать в спальню.

Марина подошла к двери детской и прислушалась — тишина, парни спали крепко. Выдохнула и вернулась на кухню. Муж тоже вернулся.

— Когда у тебя уже наконец проект этот закончится? — с раздражением спросила она. — Опять эта коза?

«Козой» была Димина начальница, которая считала подчинённых своей собственностью и могла позвонить в любое время дня и ночи.

— Она. — Он страдальчески сдвинул брови. — Марусь, что я могу сделать? Ты же сама понимаешь, и деньги неплохие, и это реальная возможность...

— Всё-всё. — Марина замахала руками.

Она помнила. И про деньги, и про «реально» нереальную возможность повышения, и уговаривала себя, что нужно

«немного потерпеть», хотя время шло, проект затягивался и за последние полгода изрядно истощил её терпение.

— Ладно, иди спать. — Она видела, как муж обмяк на стуле.

На самом деле ей хотелось сказать: «Нет, не иди спать, НЕ иди! Спроси, как у меня дела, останься со мной, я скучаю по тебе. Зверски скучаю. Какое, к чертям собачьим, „спать“? Я не хочу ни твоего повышения, ни твоих денег, я хочу тебя!»

Но вместо этого она покачала головой, пытаясь пошутить:

— Сейчас прямо тут выключишься, и придётся мне тебя отволакивать в спальню. Учти, буду тащить за ногу.

— Чтобы я стучался своей непутёвой башкой обо все пороги. — Дмитрий встал. — Марусь, ты у меня такая замечательная! Что бы я без тебя делал?

Он уткнулся носом ей в тёплую шею, вдохнул родной запах, чуть отстранился.

— Давай всё-таки завтра решим про Данькин день рождения, да? Обещаю — завтра приду пораньше и...

— Ой, я тебя умоляю! — вспыхнула она. — Только не нужно обещаний. До смерти они надоели!

— Эй-эй, полегче на поворотах. — Муж тряхнул головой и будто бы даже проснулся.

Марина стушевалась:

— Проехали.

— Я спать пошёл, — он посмотрел холодно, — нормально же всё было.

И вышел из кухни, демонстративно закрыв за собой дверь.

— Тьфу, блин! — Марина осела на подоконник.

* * *

Врач заходит в палату, кивает.

Где-то за гранью усталости находится ещё грань, потом ещё и ещё. Ты обнаруживаешь их одну за другой, каждый раз удивляясь собственной возможности выносить невыносимое.

Я сонно моргаю и смотрю на кругленького доктора Фёдорова.

Доктор смотрит не на меня и не на пациента, а на датчики, берёт прикрепленный к кровати планшет, читает, что написал дежурный врач ночной смены.

— Больше дать нельзя, — он рассеянно глядит в окно, — будет угнетение дыхания.

Мы трое это знаем.

— Ну не могу я! — Врач не отрывает глаз от далёкого пейзажа.

Его пациент чуть покашливает, поворачиваясь на бок, скручивается узлом — так легче.

Я вижу, как в зрачках карих глаз Фёдорова тускнеет застарелая вина за то, в чём он не виноват.

— Сейчас приду.

Мы с врачом выходим за двери кабинета, останавливаемся, молчим.

Наконец доктор расправляет ссутулившиеся плечи:

— Две недели, может, три, но никаких гарантий.

— Я не смогу, — мотаю головой.

— Сможете, — твёрдо говорит он, беря меня за плечо, — надо смочь!

Почти физически чувствую, как поток энергии вливается через его тёплую крепкую руку.

— И надо поесть, — он слегка потряхивает меня, — нужно поддерживать силы. И поспать. Хотя бы пару часов. Слышите? Я попрошу Марту, чтобы она это организовала.

— Да-да. — Грань принятия невозможного снова отодвинулась вглубь, позволяя новому дню войти, разместиться внутри и снаружи.

Реальности не важно, чего я хочу, а чего нет, реальность живёт отдельно.

Доктор пошёл дальше по коридору, а я прислонилась лопатками к белой двери с цифрой 9 и закрыла глаза, проваливаясь в странное полузабытье.

Марина стояла, завернувшись в полотенце, и переключала грязные вещи в корзину, краем глаза поглядывая на себя в запотевшее зеркало.

— Ну и разожралась же ты, мать!

Она с отвращением смотрела на округлые бёдра и подвисяющий животик.

Постояв ещё с минуту, повернулась к зеркалу, запахнула полотенце и руками приподняла грудь.

— Да-а... такой тебе, милочка, уже не быть. — Она хотела добавить что-нибудь едкое в собственный адрес, но подумала о том, что почти точь-в-точь повторяет слова матери, которой никогда не нравилась её фигура, и она, не стесняясь, частенько отпускала колкие шуточки в сторону дочери. Хорошо хоть, пацаны в Димку.

Она вспомнила, как мама сказала накануне свадьбы: «Эх, Маринка, не по Сеньке шапка».

Никто так и не понял, почему самый симпатичный и популярный парень в классе выбрал себе в девушки, а потом и в жёны невзрачненькую мышку. Марина была невысокая, коренастая, с жиденькими русыми волосами, чуть курносый носиком и пухлыми губами, в общем, ничего особенного — среднестатистическая молодая особа. А он — под два метра ростом, атлетически сложенный сероглазый блондин с пушистыми золотыми ресницами и мраморно-бледной кожей. И конечно, многие барышни хотели заполучить его в кавалеры, но выбрал он её, хоть она и не набивалась. Может быть, именно поэтому и выбрал?

Первое время она вообще не воспринимала этот роман всерьёз. Их отношения распустились яркими маками в лето поступлений в институты. И для неё это было не более чем жаркое июльское приключение.

Но за летом пришёл дождливый сентябрь, а роман никуда не делся. Они оба поступили в вузы — Дмитрий, как и хотел, на архитектора, а Марина, как хотела её мама, — в институт иностранных языков на факультет востоковедения.

Он с утра до вечера чертил, она учила обязательный английский и зубрила японские иероглифы. Правда, это не мешало им при любой возможности сбегать с пар, если у кого-то не оказывалось родителей дома. Новый год встречали вместе, весну тоже.

Через месяц после очередного вечера «без родителей дома» они гуляли по Таврическому саду. Первый курс летел

к концу, и только зацвел май; Марина спокойно сказала Дмитрию, что беременна и что уже записалась на аборт.

«Да ты что, с ума сошла? — Глаза у Димы стали совершенно круглые. — Какой аборт?» Он усадил её на ближайшую скамейку и убежал вперёд по аллее.

Вернулся через пару минут весёлый, сияющий, встал на одно колено, Марина начала хохотать...

«Ну, погоди, погоди, — он тоже заразился смехом, — нужно сделать всё как полагается».

Нарочито откашлявшись и придав голосу невозмутимость, Дмитрий торжественно произнёс: «Дорогая Марина, я всего лишь бедный студент с дырой в кармане, но! (и поднял указательный палец) в перспективе выдающийся архитектор современности и готов предложить тебе свою руку и сердце».

Вокруг них собрались праздные зеваки и наблюдали за импровизированным представлением.

«Готова ли ты... как там говорят, подсказывай! В богатстве и бедности, в болезни и здравии...»

«Это говорят несколько позже», — смеясь, сказала она.

«Точно! Я от нервов перепутал».

Он дурачился, но было видно, что волнуется.

«В общем, будь моей женой! И никаких аборт!»

Он взял её за руку и надел на палец кольцо, наскоро свитое из юных весенних веточек, которые нашёл, пока бегал по парку, и быстро проговорил:

«Обещаю заменить настоящим».

«Какой же ты у меня дурак, Димка!» — она обняла его обеими руками.

«Это значит „да“, да?»

«Да!»

Марина улыбалась — Данька родился в начале февраля, студёным вечером, в дёрганных больных часах первых родов. Когда мокрого кричащего мальчика положили ей на живот, Марина видела, как муж плакал, целуя крохотные пятки.

Вернувшись из воспоминаний, она махнула на своё отражение рукой, быстро вытерлась, оделась и вышла из ванной. И тут же наткнулась на Егора.

— Ты чего тут стоишь?

Похоже, он её поджидал.

— Так это, — он почесал нос, — у Даньки же день рождения скоро, я тут сэкономил деньги, — он достал из кармана старое отцовское портмоне, перекочевавшее к нему, — только я не знаю, что купить.

Марина смотрела на сына с умилением:

— Ты мёд мой медовый.

— Мам, только не говори, что Данька будет рад открытке, сделанной собственными руками? — Егор посмотрел на неё упрямо. — Мне же уже не пять лет.

— И даже не десять — закивала она, — вопрос, конечно, сложный, но, я думаю, решаемый. От какой суммы отталкиваемся?

Сын молча раскрыл кошелек, набитый некрупными купюрами.

— Ух ты, — присвистнула Марина, — да ты богач! Слушай, есть идея — Даня как-то говорил, что хочет специальную мышку, ну такую, навороченную, с колёсиками всякими.

Лицо сына озарилось улыбкой.

— Игровую! Мам, да ты гений, Даньке должно понравиться! Завтра после художки зайду куда-нибудь.

— Решено! — Марина покачала головой. — Не хочу омрачать твою радость, но как у нас насчёт уроков?

— Сделал! — Егор решительно кивнул.

— А если проверить?

— Тогда остался русский, но там немного.

Одинаковые пятиэтажные хрущёвки стояли на равном расстоянии друг от друга, вмещая между собой дворы с детскими площадками и деревьями.

Параллельно к торцам домов располагались два одинаковых садика, в один из которых ходили Даня и Егор.

Следующим днём, подходя к парадной, Марина нос к носу столкнулась с Егором и Димой.

— Вот так встреча! — Она смотрела на них так же растерянно, как и они на неё.

— Да всё просто, — широко улыбаясь сказал Дима, — помнишь, я вчера говорил, что приду пораньше.

— Гм... — Марина покачала головой, — но настолько раньше? Почему ты мне не позвонил? И... Егор?

— Да это мы тоже случайно встретились, — муж потрепал сына по шапке, — смешно получилось, да?

— Угу. — Тот как-то странно посмотрел на отца.

— Зато мы в магазин зашли, вкусностей купили, скажи? И мышку Даньке. Ты что, не рада?

— Рада.

Марине показалось, что муж суетливо тараторит, чего за ним раньше не замечалось, и Егор поникший и потерянный.

— Что-то случилось?

— С чего ты взяла? — настороженно спросил Дима. — Всё хорошо. Может, домой пойдём или так и будем в подъезде разговаривать?

Они поднялись на свой этаж. Марину не покидало ощущение неприятного напряжения.

— Между прочим, дорогая жена, — сказал Дима, открывая дверь, — а для тебя у меня есть сногшибательная новость — таа-даам! Прошу любить и жаловать нового заместителя начальника отдела — Дмитрия Кирилловича Клеверова!

Они зашли в квартиру и начали раздеваться.

— Ого! — опешила Марина. — Что, правда? Дим-ка! Откуда такая внезапность? И неужели ваш бесконечный проект закончился? Быть не может!

— Я и сам не ожидал, так что будем сегодня кутить, отмечать моё повышение. — Он влез в домашние тапочки.

Марина скрестила руки на груди, глядя на притихшего сына.

— Егор, что ты застыл как оловянный, давай уже оттаивай, носи пакеты, я потом разложу.

Егор скрылся на кухне.

— Да, кстати, мама твоя звонила.

— И что хотела? — Дима чуть напрягся.

Отношения Марины с родителями мужа можно было назвать «худым миром», изначально они были против

Диминой ранней женитьбы вообще и на Марине в частности. Некоторое потепление со стороны свекрови намечилось два года назад, когда скоропостижно умер отец Дмитрия, но сама Марина такой внезапный прилив чувств не понимала и не поддерживала. После смерти мужа Димина мама, Галина Ильинична, жила со своей престарелой матерью в Нижнем Новгороде и теперь всячески зазывала сына с внуками погостить. И как неслыханное одолжение готова была терпеть невестку. Только вот Марина к такому «терпению» была совсем не готова.

— Спрашивала, как дела, я сказала, что всё отлично, похоже, она не особо обрадовалась. — Марина кивнула на кухню. — Что это с ним?

Муж пожал плечами, переключаясь.

— Подростки, что с них взять. И это только начало, мать.

— Ладно, — Марина махнула рукой, — кстати, у Егора тоже скоро день рождения, может, ему новый мобильник подарить, а то старый у него уже совсем... того.

— Можно, — Дима шагнул к жене, нежно приобнял, наклонился и поцеловал в висок, — пойдём-ка праздновать! Мне же, Марусь, премию выписали. И даже выдали. На эти деньги мы два новых телефона сможем купить. И даже три!

— Чудеса в решете! — Марине была приятна его ласка, от которой она почти отвыкла, и обняла его.

Из дверей кухни на них смотрел Егор. Внимательно и неотрывно.

* * *

Колени подкашиваются, я дёргаюсь и открываю глаза — кажется, я на пару минут провалилась в сон и чуть не упала. Первую секунду я фокусирую внимание, пытаюсь понять, где я: бежевая стенка напротив, белая дверь с цифрой одиннадцать. Ну да, за спиной у меня другая дверь с цифрой девять.

Выдыхаю и взожу.